

— оперная сцена, — говорил он. — Я певец и актер, но не меньше люблю песню, хорошую песню. Она всегда живет на Руси. Я за песню, построенную на голосе, высокую по мысли, чтобы она была трудом, творческим материалом для певца. Я за песню — оружие, воспитывающую, заставляющую не только переживать, но и думать». Кроме русских народных песен, которые совершенно по — новому звучали в его исполнении, и песен советских композиторов, он включал в свой гастрольный репертуар романсы русской, зарубежной и советской классики. Воспринимая свое искусство как искусство вокальной драматургии, Гуляев продолжил традиции исполнения русской камерной вокальной лирики. Немногие в то время систематически работали над камерным репертуаром и при этом добивались таких успехов, как Гуляев, который вызывал неизменный интерес у профессионалов и горячие симпатии столь любящей его публики.

Его слава и популярность были необыкновенными, но свое творчество он оценивал очень строго: «терзаюсь славой и чувствую себя вечным её должником. Считаю, что до сих пор не отработал и сотой доли доставшегося мне»

Е.А. Евлащенко

Мы стремились к победе над врагом

Была война, какой еще не знал до этого народ. Война с фашистами. Наш советский солдат должен был пройти очередное жестокое испытание и победить во что бы то ни стало. Был труден и долог этот путь. И деды, и отцы, и матери, и сыновья, и внуки шли в бой за Родину.

В это время жила я в городе Данилове Ярославской области. Училась в педагогическом училище и начала свою трудовую деятельность в детском доме, куда отовсюду привозили детей из разрушенных немцами городов и сел. Запомнились мне эти дети. Хрупкие, бедные, грязные, с горькими слезами на щеках. Приходилось работать не только воспитателем и учителем, но и заменять родителей этим малышам. Каждого надо было принять, успокоить и только материнской любовью приблизить к себе, заставить поверить в лучшее будущее, позабыть страшные дни.

Зона Ярославской области была прифронтовой уже с первых дней войны. По дорогам шли отряды бойцов, которые в центре формировали в дивизию для отправления на фронт. Шли, помню, в обмотках, старые и молодые, с вещевыми мешочками, в которых лежало немного сухарей. Народ выходил из своих калиток, встречая солдат, кто чем мог: молоком, хлебом, овощами. Близость, доброта друг к другу, сочувствие и теплота души не покидали людей. И это надо было показать детям, объяснить, почему русский человек не ожесточился, не уподобился фашисту. Мы учили детей быть чуткими, терпимыми и способными к самопожертвованию. Все вместе мы стремились к победе над врагами: выращивали овощи в колхозах, убирали хлеб на полях, сушили сено, со старшеклассниками учились гасить зажигательные бомбы, которые уже сбрасывали в окрестностях города. В воспитании нам помогали встречи с фронтовиками. О героизме солдат и всего русского народа, о мужестве, храбрости и воле к победе можно было многое услышать из сводок по радио, из газетных очерков.

А как интересно было узнать о своих воспитанниках, которые в 17 — 19 лет ушли добровольцами на фронт и дали клятву отомстить фашистам. Многие знали и понимали, что шли на самопожертвование во имя счастья всего народа, за победу. Как тяжело было их провожать! Наши слезы, наши сердца были рядом с ними. Очень часто я вспоминаю воспитанницу Шуру Шкуринову. Ее вызвали в райком комсомола и направили в Белоруссию для подпольной работы на оккупированной территории. Она помогала осуществлять связь партизан с Большой землей, помогала молодежи овладевать военными знаниями, личным примером воодушевляла комсомольцев на подвиг.

В наградном списке Шуры сказано, что она «6 раз переходила линию фронта, при этом три раза в условиях обстрела». В мае 1943 она находилась в партизанском отряде им. Ленинского Комсомола. Немецкое командование бросило на уничтожение партизан танки, самолеты, артиллерию. Все отряды были окружены. Она писала нам 18 мая 1943 года: «Фашисты бросили против нашего отряда крупные силы. Лес, в котором мы располагались, был окружен. Гитлеровцы прочесывали его тремя плотными цепями. Выхода нет. Мы решили драться. С боем вышли на дорогу. Впереди — засада. Пришлось залечь. Казалось, спасенья нет...»

Вот что мы узнали о ней позднее из письма командира отряда: «Шура обошла партизан со стороны, легла, затем поднялась во весь